

А.Иванов

А.Астинова

СТРАШЕЧКИ

Кладбищенский
фантом

ЭКСМО

Анна Вячеславовна Устинова
Антон Давидович Иванов
Кладбищенский фантом
Серия «Страшилки»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600345

Кладбищенский фантом: Эксмо; М.; 2000
ISBN 5-04-004923-4

Аннотация

Не успел Федя Фокин переехать на новую квартиру, как сразу же с ним начали происходить странные события. Решив прогуляться на близлежащее кладбище, Федор и его новая подруга Жанна увидели там загадочную старуху в черном. И вдруг порыв ветра заволок черными тучами небо. Раздался оглушительный треск, и в следующее мгновение прямо на склеп обрушилось старое дерево. Каменный крест откололся и грохнулся оземь. И тут таинственная старуха, как по мановению волшебной палочки, исчезла. Но на этом странности не кончились, а только начались...

Содержание

Глава I	4
Глава II	21
Глава III	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Устинова, Антон Иванов Кладбищенский фантом

Глава I ЖАННА Д'АРК

Этого дня наша семья, а точнее, папа, мама и я, ждала много лет. Мы наконец-то переезжали не только в совершенно свою, но и в абсолютно отдельную квартиру. Те, кто не жил в больших московских коммуналках, наверное, моего телячьего восторга не поймут. Вообразите себе квартиру из восьми огромных комнат, в каждой из которых обитает по отдельной семье. Впрочем, это не совсем точно, у Большаковых было целых две комнаты. Но сути это не меняет. В нашей квартире был длиннющий широкий коридор, по которому мы в детстве катались на трехколесных велосипедах. Это было здорово. В конце коридора находилась большая общая кухня с семью столами и тремя газовыми плитами. Это было совсем не здорово. Во всяком случае, так считала моя мама, хотя никогда не жила по-другому. Она в этой квартире родилась.

Каждый год в течение последних пяти лет нам говорили: «Наконец-то расселяем». Но очередной год проходил, а все оставалось по-прежнему. Предки копили деньги на обстановку. Потом отец плюнул и купил машину, а после этого снова начал копить. И вот наконец родители получили ордер. Сперва речь шла о двухкомнатной квартире, но потом мой предок сказал:

– Лучше я влезу в долги, доплачу, и мы получим трехкомнатную. Хоть остаток жизни проживем по-человечески. Чтобы у каждого по отдельной комнате.

Отец у меня такой. Если что задумает, то обязательно сделает. И в результате мы приобрели трехкомнатную квартиру в новом доме. Правда, как говорит моя мама, «у черта на рогах». Зато с улучшенной планировкой. В общем, получив ордер, мы все были на седьмом небе от счастья.

Конечно, немного жаль было уезжать из дома с рыцарем. Я вообще-то к нему привык. И к шуму Садового кольца – тоже. А шум, между прочим, тут круглосуточный. Зато из окон нашей комнаты был виден кукольный театр имени Образцова со знаменитыми часами. И старую школу мне жалко. Как-никак, восемь лет проучился, все друзья там остались. Я сперва хотел остаться учиться в ней. Но предки оказали решительное сопротивление.

– Ты в своем уме, Федор? – говорил мне отец. – Девятый класс! Такой сложный учебный год, а тут ездить в метро с двумя пересадками. Час туда. Час обратно. Загнешься

же ведь во цвете лет. А на новой квартире школа прямо во дворе. С бассейном, зимним садом, компьютерными классами. Собственной телестудией. В общем, все оборудовано по последнему слову техники. Директриса сказала мне, что ее школа – гордость района.

Я немного подумал и сломался. Ездить с двумя пересадками час туда, час обратно мне не очень-то улыбалось. Люблю, знаете ли, подольше поспать. А бассейн и собственная телестудия – это круто. В моей тесной старой школе постройки тысяча девятьсот тридцать шестого года подобных явлений не наблюдалось. В общем, я принял логику предков. Так сказать, новая квартира, новая школа, новая жизнь. А с друзьями можно и так общаться. В конце концов, не в другой же ведь город я уезжаю.

Так вышло, что до самого переезда я в новой квартире не побывал. Предки ездили туда без меня. А я то болел, то чем-нибудь другим был занят. Зато по вечерам слушал восторженные рассказы родителей. И о размерах новой кухни, и о встроенных шкафах, и об огромной лоджии. У отца уже чesались руки ее застеклить.

– Вот сделаю, – объяснял нам с матерью он, – и будет как бы еще одна комната. А если утеплить и провести отопление...

Глаза у предка при этом мечтательно затуманились, и я сразу просек, что нашей лоджии недолго осталось быть просто лоджией.

– А может, оставим как есть? – робко предложил я.

– Это еще почему? – возмутился предок.

– Ну, вроде бы как балкон, – продолжал сопротивляться я. – На него можно выйти свежим воздухом подышать.

– Для этих целей у нас есть еще одна лоджия на кухне, – поспешил успокоить меня отец. – Она поуже. Так что выходи себе и дыши на здоровье.

– Ой, Федор, а воздух там! – подхватила мама. – Кухня как раз выходит на парк.

– И на кладбище, – добавил отец.

– На кладбище? – уставился на него я.

– Да оно старое, – отмахнулся предок. – Там теперь уже не хоронят.

– Мы специально выясняли, – уточнила мать. – А то, когда под твоими окнами постоянно кого-то хоронят, – это не жизнь, а один сплошной кошмар.

Я был с ней совершенно согласен.

– А наша улица знаешь как называется? – продолжал отец. – Серебряные пруды.

– Красиво, – кивнул я. – А пруды действительно есть?

– Целых два, – улыбнулся отец.

– К сожалению, – не разделяла его радости мать. – Боюсь, нас летом комары сожрут.

– Не нагнетай, – откликнулся предок. – По мне комары куда лучше, чем Большаковы.

Мама хмыкнула, но возражать не стала.

– А потом, может, их там травят, – продолжал отец. – И вообще, Марина, – взгляд у предка сделался строгим и осуждающим, – почему тебе в любой бочке меда обязательно надо найти ложку дегтя? Сейчас только начало осени, а она уже думает о следующем лете. И это в тот момент, когда мы наконец получили квартиру, и Большаковых больше никогда не увидим...

– Молчу, молчу, – замахала руками мама.

И вот настал день переезда. С самого начала все пошло наперекосяк. Оказалось, что Большаковы собрались переезжать ровно в тот же час, что и мы. Комнаты Большаковых располагались гораздо ближе к входной двери, чем наша. Поэтому он и его семейство сперва вытащили всю свою мебель в коридор, а затем уже принялись перетаскивать к машине. Мы оказались в ловушке. Шофер арендованной нами машины нервничал и грозился уехать. Предок мой возражал:

– Разве не видите, что здесь творится? Как мы сквозь эту баррикаду свою мебель протащим?

– Надо было заранее сговориться с соседом, – назидательно проговорил один из двух грузчиков, прибывших вместе с шофером. – У нас, господин дорогой, время – деньги.

– У вас время – деньги, а у меня сосед тупой, – уже не в силах был сдерживаться мой предок. – И вообще, он это нарочно устроил. Потому что раньше твердил, что переезжает только на следующей неделе.

– Игорь, – выразительно поглядела мама на предка, – про-

шу тебя.

Папа пробормотал что-то невнятное и отвернулся.

Впрочем, все обошлось. Полчаса спустя большаковская баррикада исчезла. Ту мебель, которую мы брали с собой, погрузили в машину, и предок отъехал вместе с грузчиками и шофером на новое место жительства. Через два часа машина вернулась за мной и остатками вещей.

– Ну, Федя, езжай, – сказала мне мать. – А я сейчас тут все доделаю, доберу мелочовку – и на машине к вам.

Я последний раз взглянул на нашу огромную коммуналку. Она почти опустела. В ней теперь осталось только две семьи, да и те уже получили новые квартиры. Мне стало немного грустно. Как-никак вся жизнь тут прошла. Целых четырнадцать лет, считая с того момента, как меня сюда доставили прямым из роддома. Видимо, я надолго задумался, потому что в дверях возник один из грузчиков.

– Эй, пацан. Ты едешь или не едешь? Долго нам тебя еще ждать?

– Федор, ты еще тут? – выглянула из комнаты мама.

В объяснения я вдаваться не стал. Не говорить же ей, что прощался с квартирой. Терпеть не могу эти всякие откровенности. А потому я лишь коротко бросил:

– Все. Уехал.

И ведь я действительно уехал. Только вот до пункта конечного назначения добрался совсем не скоро. На полпути грузовик заглох. Шофер, чертыхнувшись, полез под капот.

Грузчики тоже с интересом туда заглядывали и наперебой давали советы. В конце концов шоферу это надоело, и он прогнал их. Грузчики отошли чуть в сторону и принялись увлеченно обсуждать, что делать, если машина так и не заведется.

Вариантов возникло множество. Однако ни один из них мне лично не понравился. Хорошо, что шоферу все-таки удалось завести машину, и мы хоть с большим опозданием, но добрались до нашего нового дома. Там было несколько совершенно одинаковых высотных корпусов. Однако свой я обнаружил без малейших усилий. Потому что возле него бежал назад-вперед мой предок.

Едва машина остановилась, он распахнул дверцу и испуганно произнес:

– Федор, где тебя носило? Я волновался.

– Заглохли, – объяснил шофер.

– Заглохни? – не расслышал мой предок. – Это вы мне? С какой, интересно, стати я должен заглохнуть?

– Это не ты, мужик, должен заглохнуть, – хохотнул шофер, – а у меня мотор по дороге заглох. Считайте, вам еще повезло. На соплях доехали. Сейчас ваши пожитки разгрузим и вернемся на базу. Другие заказы отменить придется. Кстати, телефон есть? Позвонить надо.

Отец молча извлек из кармана мобильник и протянул шоферу. Грузчики хмуро слушали, как тот отменяет заказы.

Набив частью наших вещей грузовой лифт, отец скоман-

довал:

– Езжай на десятый этаж, а я сейчас пассажирский вызову. Протискиваясь сквозь тюки, я потянулся к нужной кнопке.

– Ой, а мне можно? – раздался звонкий голос.

В кабину каким-то чудом протиснулась худенькая высокая девчонка с большим пластиковым пакетом, из которого торчали продукты.

– Мне тоже на десятый, – пояснила она.

Я надавил на кнопку и буркнул:

– Нельзя было второй лифт подождать?

– Нельзя, – возразила девчонка и, улыбнувшись, добавила: – Он не работает.

– А как же мой отец? – ткнул я пальцем вниз.

Девчонка вновь улыбнулась и пожала плечами.

– Одно из двух. Либо пешком по лестнице, либо дождется, пока ты разгрузишься.

– Ну ни фиги себе! – возмутился я. – Как же я один все это вытащу? Неужели трудно было предупредить его, что второй лифт не работает?

– А меня разве спрашивали? – нахально отозвалась моя попутчица.

Я уже раскрыл рот, чтобы достойно ответить ей, когда раздался оглушительный скрежет. Кабина, конвульсивно дернувшись, остановилась. Я не без удовольствия отметил, что девчонка побледнела. Впрочем, она, видно, была не из пуг-

ливых. Во всяком случае, мигом взяла себя в руки и недовольным голосом, заявила:

– Нечего было так лифт набивать. Счастье еще, если трос сейчас не оборвется. А то нам с тобой этажей семь вниз лететь.

– Не паникуй, – с деланой беззаботностью проговорил я. – Лучше попытайся нажать на какой-нибудь другой этаж.

Перегнувшись через огромный тюк, я принялся давить на разные кнопки. Однако ни на один из этажей кабина ехать не пожелала. Тогда я нажал на кнопку вызова диспетчера.

– Бесполезно, – прокомментировала мои действия девчонка. – Диспетчерская еще не подключена. Дом-то новый.

– Интересно живете, – обозлился я.

– Мы... живем, – с издевкой проговорила моя спутница. – Насколько я понимаю, ты теперь тоже здесь поселился. Так что привыкай. Теперь одна надежда на твоего папу. Но мы с тобой все равно здесь надолго. Пока заметят. Пока дозволятся в диспетчерскую...

И, не договорив, она махнула рукой. Затем, помолчав, ткнула пальцем в ближайшую к себе коробку.

– Там у вас чего? Сесть можно? А то я стою на одной ноге. Вторая не поместилась.

– Садись, – буркнул я. – Там книги. Авось не раздавишь.

– Книги не раздавлю, – заверила девчонка и опустилась на коробку. – Ну, что? Будем знакомиться? Все равно больше пока делать нечего.

– Можем и познакомиться, – процедил я сквозь зубы. – Я – Федор.

– Солидно звучишь, – то ли одобрительно, то ли издевательски произнесла девчонка.

Ярко-зеленые глаза ее сверкнули. Никогда раньше не видел в реальной жизни такого цвета глаз. До встречи с этой девчонкой мне казалось, что зеленые глаза встречаются только в книгах. А точнее, в любовных романах, которые тоннами поглощает моя мать. Естественно, я подобной ерунды не читаю. Однако несколько раз из чистого любопытства заглядывал в них. Мне просто хотелось понять, почему матери они кажутся столь интересными. Так вот. Страницы этих произведений оказались густо заселены как красавцами, так и красавицами «с потрясающими зелеными глазами».

– Ты чего на меня уставился? – спросила девчонка.

– Жду, когда ты представишься, – вышел из положения я.

– Меня зовут Жанна, – тут же сказала моя попутчица.

– Жанна? – удивился я.

– Именно, – кивнула девчонка. – В честь Жанны д'Арк. У меня мама сдвинута на французской истории и литературе. И работает в Библиотеке иностранной литературы.

– А-а-а, – только и протянул я.

Темно-каштановые стриженные под пажа Жаннины волосы и впрямь придавали ей какое-то сходство с Жанной д'Арк. Хотя вообще-то, кто знает, какого цвета волосы были у Орлеанской Девы? Но говорить я об этом Жанне и не со-

бирался. И поспешил сменить тему:

– Вы давно сюда переехали?

– Да уже месяц живем, – отозвалась Жанна. – К первому сентября перебрались. Чтобы мне сразу в новую школу идти.

– Ты в той, которая с бассейном, учишься? – любопытствовал я.

– Естественно, – усмехнулась Жанна. – Во-первых, она у нас прямо во дворе. А во-вторых, чтобы ты знал, эта школа вообще единственная в микрорайоне.

– А говорят, лучшая в микрорайоне, – вспомнились мне слова предков.

– Раз единственная, значит, лучшая, – опять усмехнулась Жанна. – Потому что вне конкуренции. Но в этом районе наша школа и впрямь считается лучшей. Правда, она всего год существует. Ты, Федор, вообще, в каком классе учишься?

– В девятом, – внес ясность я.

– Значит, в наш класс и пойдешь.

– Почему это обязательно в ваш? – не понял я.

– Элементарно, – начала объяснять мне Жанна. – Наш класс единственный из девятых еще недоукомплектован. А в остальных четырех полным-полна коробочка.

– Четырех? – присвистнул я.

– Что делать, Федор, – развела руками Жанна. – Микрорайон новый. Домов куча. А школа одна.

– Ты хочешь сказать, сюда одни девятиклассники съехались? – еще сильнее удивился я.

– Похоже, – кивнула девчонка. – Сам прикинь, девярых классов целых пять штук, а перваков всего три.

– Три класса или три человека? – не понял я.

– Естественно, класса, – откликнулась Жанна.

Тут снизу раздались грохот и громкие вопли.

– Кажется, Федор, тебя наконец хватились, – сказала Жанна и вдруг оглушительно крикнула: – Помогите! Мы застряли!

Я от неожиданности вздрогнул.

– В следующий раз, когда соберешься орать, предупредидай.

– Какие мы, оказывается, пугливые, – ничуть не смутилась Жанна.

– Просто ты меня оглушила. До сих пор в ушах звенит, – скороговоркой выпалил я.

– Зато у нас появилась надежда, – и на сей раз нашлась моя новая знакомая.

Здесь она была совершенно права. Я услышал уже вполне внятный голос отца:

– Ребята! Вы где?

Видимо, отчаявшись дожидаться лифта, предок сам поднялся по лестнице.

– Мы тут! Застряли! – заорал я в ответ.

– С диспетчерской связались? – осведомился отец. Он тяжело дышал. Укатали сивку крутые горки, как говорит в таких случаях моя мать.

– Связи нет, – пояснила Жанна. – Вам надо позвонить по телефону.

– А номер кто мне скажет? – грянул отец.

– Там, на первом этаже, возле кнопок табличка висит со всеми нужными номерами, – услужливо проинструктировала Жанна.

Отец тяжело вздохнул, пробормотал что-то про «эту чертову лестницу» и, велев нам сидеть спокойно, с громким топотом понесся вниз.

– Что я люблю в предках, так это их полезные советы, – не преминула заметить Жанна. – Интересно, как тут можно еще сидеть, учитывая все это барахло?

– Никак, – согласился я.

Какое-то время мы помолчали.

– Ну, Федя, рассказал бы что-нибудь интересное, – первой не выдержала Жанна.

– Лучше сама расскажи мне про новую школу.

Жанна поморщилась. Тема явно не увлекла ее.

– Школа как школа, – скучным голосом начала она. – Не вижу в ней ничего выдающегося. Учителя есть нормальные, а есть так себе. Ребята тоже разные. Одни нормальные, а другие придурки.

– Ясно, – пробормотал я. Тема и впрямь, казалось, была исчерпана. Да и что, собственно, еще интересного можно рассказать про школу.

Все-таки я счел своим долгом задать еще один вопрос:

– А бассейн-то хороший?

– Когда воду заливают, нормальный, – с какой-то странной улыбкой произнесла Жанна. – Только, Федя, это бывает очень редко. Потому что у них там все время чего-то ломается. В общем, на водные процедуры особенно не рассчитывай.

– Да я, знаешь, пока вообще ни на что особенное не рассчитываю, – постарался как можно более равнодушным тоном произнести я. А про себя подумал: «Ну и вредная девица. И мне теперь с такой в одном классе учиться».

«Вредная девица» очень внимательно посмотрела на меня своими зелеными глазами, а затем принялась рыться в пакете с продуктами.

– Вот, – вытащила она оттуда пачку печенья «Юбилейное в шоколаде». – Угощайся. А то неизвестно, сколько мы еще тут с тобой просидим.

Едва взглянув на «Юбилейное в шоколаде», я вдруг сообразил, что просто умираю от жажды.

– А попить у тебя случайно ничего там нету? – с надеждой воззрился на пластиковый пакет я.

– Только молоко, – ответила Жанна.

– Годится! – воскликнул я.

Жанна вытащила литровую пачку молока. Теперь у меня внутри просто все горело. Я потянулся к пакету, но она решительно отвела руку.

– У тебя среди вещей чашка найдется?

– А на фига?

– Он еще спрашивает! – возмутилась Жанна. – Напустишь мне слюней в пакет, а нам с матерью потом допивать.

Логика у нее была просто железная. Я наугад полез в одну из картонных коробок и обнаружил там небольшую кастрюльку.

– Лей сюда.

Жанна, с трудом надорвав пакет, налила молока. Я жадно припал к кастрюле.

– Феденька, ты еще здесь? – послышался сверху голос моей родной матери.

– Куда ж он денется, – ответила за меня Жанна.

– Я уже приехала, – снова заговорила мать. – А папа дозвонился в диспетчерскую. Ему обещали прислать мастера.

– Когда? – спросил я.

– Да говорят, мастер сейчас в другом месте лифт чинит, – объяснила моя родительница. – А как в диспетчерскую вернется, так его сразу к нам и пошлют.

– Значит, точно будем сидеть до самого вечера, – вздохнула Жанна.

– Девочка, это ты мне? – не поняла мать.

– Нет, это я ему, – пояснила Жанна.

– Тогда вы еще потерпите, а я пока кое-что занесу в квартиру, – сказала мама, и мы услышали ее удаляющиеся шаги.

– Хорошо, Федя, я хоть с продуктами, – и Жанна вновь протянула мне пачку «Юбилейного в шоколаде».

На сей раз я не отказался.

Час спустя нас спасли. Правда, лифт остался на том месте, где застрял вместе с нами. Верней, мастер вручную подтянул кабину до восьмого этажа, не преминув сообщить радостное известие. Мол, на услуги лифта до завтрашнего утра можете не рассчитывать, все равно бесполезно.

Грузчики, естественно, давным-давно уехали. Так что вещи нам пришлось тащить до десятого этажа на себе. Спасибо еще, Жанна помогла. Пока мы таскали, она караулила оставшееся.

Квартира ее оказалась рядом с нашей. И даже выяснилось, что кухни у нас соединены общей лоджией.

– Ладно, Федор, – сказала напоследок она. – Сегодня, конечно, тебе уже некогда. А завтра, если будет время, забегай. Могу тебе наш район показать.

– Согласен.

И я кинулся на помощь отцу, который волок по коридору последнюю коробку.

Когда наконец все вещи перекочевали в квартиру, я отправился на детальную экскурсию по нашему новому жилищу. Естественно, больше всего меня волновала собственная комната. Тому, кто всю осознанную жизнь провел в уголке за родительским шкафом, нетрудно понять мой восторг при виде светлой комнаты с новой, тоже светлой, мебелью, новым диваном, широким письменным столом и, наконец, собственным телевизором-двойкой.

Конечно, если бы предки со мной посоветовались, я бы предпочел компьютер. Но они, видно, хотели сделать мне сюрприз. Впрочем, собственный телик – тоже совсем неплохо. Родителей вечно интересовали одни передачи, а меня совсем другие. Теперь с этим покончено. Отныне у нас будет полный суверенитет. Пускай мать смотрит свои любимые сериалы.

– Ну? – показались в комнате отец с матерью. Лица у обоих сияли. – Ты доволен?

– Ага, – кивнул я. – Спасибо.

– А компьютер чуть позже получишь, – будто прочел мои мысли отец.

– Когда? – захотелось знать мне.

– Вот разберусь немного с долгами и... В общем, скоро, – ответил предок.

Словом, жизнь вроде бы складывалась совсем неплохо. Видимо, даже слишком неплохо. Потому-то на следующий день все и началось.

Глава II

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

Утром меня разбудили громкие звуки. Ничего толком спросонья не понимая, я босиком подбежал к окну. Звуки неслись с улицы. Большой духовой оркестр старательно наяривал громкий похоронный марш. Перед оркестром медленно двигалась траурная процессия, несущая полированный гроб с медными ручками и отделкой тоже из меди. Все это двигалось от нашего дома по направлению к видневшемуся вдали кладбищу. Оркестр играл от души. Звуки труб надрывали сердце.

– Эй! – влетел я в спальню родителей. – А вы говорили, что здесь не хоронят. Смотрите!

Впрочем, призыв мой был излишен. Предки уже и так стояли возле своего окна и смотрели, а также слушали.

– Не понимаю, чему ты, милый мой, радуешься, – сказал мне отец.

Я немного смутился.

– Да, вообще-то, конечно, чего уж тут радоваться, когда кто-то там умер.

– Дело совсем в другом, – оборвал меня предок. – Понимаешь, нас обманули. Нахально обманули. Если тут каждый день будут продолжаться похороны в сопровождении духо-

вого оркестра, то нам придется срочно отсюда съезжать.

Отец еще хотел к этому что-то добавить, но тамбурмажор подал оркестру энергичную команду. Тарелки, трубы и барабаны оглушительно грянули, захлестнув своей скорбной волной все остальные звуки, в числе которых был голос моего предка.

– О господи! – схватила за голову мать. – Нет, это действительно невыносимо!

– Совсем обнаглели, – поддержал отец.

Оркестр тем временем перешел с бурного форте на траурное пиано. Жизнь стала немного легче, но не скажу, чтобы веселее. Теперь, когда траурный марш звучал тише, стали слышны скорбные всхлипы толпы.

– Я только одного не понимаю, – продолжал возмущаться отец. – Посмотрите, какой у них катафалк тут стоит, – он указал на блестящую черным лаком машину, которую почему-то оставили возле нашего дома. – Неужели этого, в гробу, не могли до самой могилы довести?

– Игорь, – перебила мать. – Откуда ты знаешь, что в гробу «этот», а не, например, «эта»?

– Мне так кажется, – отмахнулся отец, – но, вообще-то, мне без разницы. Важен сам факт. И этот факт мне лично не нравится.

В тот момент, когда мы, немного очухавшись, сели завтракать, с улицы раздалась громкая стрельба. Отец вылетел на лоджию. Мы последовали за ним. Оказалось, что палят в

воздух возле могилы.

– Похоже на воинские почести, – сказал отец.

Стрельба прекратилась. Оркестр заиграл российский гимн.

– И впрямь почести, – уверился в своих предположениях предок.

– Видно, какой-то важный государственный деятель, – предположила мать.

– Важных государственных на такое кладбище не повежут, – возразил отец.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – сказала мать.

– Понятно лишь то, что нас обманули, – снова завел свое предок. – Надо же так влипнуть. Из центра Москвы попали прямо на кладбище.

– погоди, Игорь, – вмешалась мать. – По-моему, это все-таки недоразумение. Мы с тобой на эту квартиру столько раз приезжали – и ни одних похорон.

Мы вернулись на кухню к прерванному завтраку. Папа сосредоточенно молчал. Меня вдруг осенило:

– Надо у Жанны спросить. Они ведь сюда уже месяц назад переехали. И ее окна на эту сторону выходят. Вот я после завтрака схожу и выясню, хоронят тут или нет.

– А вещи разбирать? – строго взглянули на меня оба родителя.

Я ответил, что большую часть уже раскидал по шкафам вчера, а остальное доразберу вечером.

– Ладно, – сдался отец. – Беги к своей Жанне. Только чтобы к обеду вернулся.

Быстренько собравшись, я позвонил к соседям. За дверью послышался звонкий лай. Затем щелкнул замок. Из дверей вылетело нечто маленькое и черное. Оно завертелось волчком.

– Пирс, фу! – выбежала из квартиры Жанна. – Ко мне!

Существо замерло и оказалось лохматым, усатым и бородастым песиком.

– Это твой? – посмотрел я на Жанну.

– Естественно, мой, – усмехнулась она. – А ты думаешь, одолжили?

– Да нет. Не думаю, – смутился я. – А какой он породы?

– Двортерьер, – ответила Жанна. – Метис. Нам с мамой хозяева его матери, – перевела она взгляд на Пирса, – сказали, что он помесь скотчтерьера и блускайтерьера. Но, возможно, у него были еще какие-то родственники. Других, так сказать, пород.

– Неважно, – заявил я. – Все равно он очень симпатичный.

Никогда раньше не думал, что собакам настолько нравятся комплименты. Едва услышав мои слова, Пирс взвился в воздух, лизнул мою щеку и снова приземлился на все четыре лапы.

– Ну и прыгун, – с удивлением произнес я.

– Что имеем, то при нас, – кивнула Жанна. – Ты явно Пирсу понравился. Обычно он чужих не облизывает. Пирсик!

Пирсик! Ко мне!

Пес тут же прыгнул хозяйке на руки.

— Ну, заходи, раз пришел, — позвала меня в квартиру Жанна. — Ты, кстати, вовремя. Потому что мы с Пирсом только что с прогулки вернулись.

— Значит, ты больше уже не пойдешь?

Видимо, у меня сделалось очень разочарованное лицо. Потому что Жанна торопливо проговорила:

— С чего ты взял? Да мы вчера договорились погулять.

Мы вошли в переднюю. Жанна захлопнула дверь. Из кухни немедленно показалась худая темноволосая женщина в маленьких круглых очках и с дымящейся сигаретой во рту.

— Мама! — строго воскликнула Жанна. — Опять ты куришь на кухне. Мы же договорились.

— Я курила на балконе, — виновато ответила Жаннина мать. — А потом услышала, что к нам кто-то пришел. Имею я право посмотреть?

— Здравствуйте, — выдавил из себя я.

— Здравствуй, — кивнула она. — Ты, наверное, учишься с Жанночкой?

— Во-первых, перестань сюсюкать и называть меня Жанночкой, — топнула ногой дочь. — Во-вторых, он еще со мной не учится. А в-третьих, это Федя из соседней квартиры. Я же тебе рассказывала. Они только вчера переехали, и мы с ним в лифте застряли.

— Замечательно! Очень приятно! Будем знакомы! Меня

зовут Юлия Павловна!

Она энергично тряхнула головой, и пепел с ее сигареты упал на пол.

- Мама! – заорала Жанна. – Я только вчера пылесосила!
- Прости, Жанночка, сейчас подмету, – пролепетала мать.
- Мама! – последовал новый возглас дочери.

Я понял, из-за чего она обозлилась. Юлия Павловна вновь назвала ее Жанночкой. Стремясь разрядить обстановку, я очень вежливо произнес:

- Мне тоже очень приятно, Федя.

Наверное, выглядело это ужасно глупо. Жанна прыснула в кулак и отвернулась. Потом, по-прежнему не глядя на нас, сдавленным голосом сказала:

- Ладно, ма. Мы с Федей пойдем погуляем.
- Идите, – разрешила Юлия Павловна.

Мне показалось, она даже рада, что ее на какое-то время оставили наедине с сигаретой. Жанна, точно поняв, о чем я подумал, крикнула:

- И чтобы дома больше мне не курить! Пирс, ко мне!

Песик немедленно подлетел к хозяйке. Та ловко нацепила на него ошейник и пристегнула поводок. Мы вышли на лестничную площадку.

Я нерешительно потоптался на месте:

- Жанна, может, на лифте попробуем?
- Ну уж нет! – решительно запротестовала она. – Пешком надежней.

Бегом спустившись на первый этаж, мы побрели вокруг дома.

– Слушай! – вспомнил наконец я, зачем, собственно, пошел к Жанне. – А такие похороны тут часто бывают? А то мои предки с утра чуть не рехнулись.

– А-а, – понимающе прыснула девочка. – Значит, на вас тоже произвело впечатление.

– Произвело, – подтвердил я. – В особенности оркестр и стрельба.

– Нам с матерью тоже понравилось, – коротко хохотнула Жанна. – Но вообще-то, такое тут в первый раз. Кладбище уже лет тридцать, как закрыли. Мать перед переездом специально узнавала.

– Предок мой тоже перед переездом узнавал, – сообщил я. – А сегодня орет, что его обманули.

– Не обманули, – покачала головой Жанна. – Ты знаешь, кого сегодня похоронили?

– Естественно, нет, – сказал я.

– Случай уникальный, – начала объяснять девочка. – Хоронили самого Князя Серебряного.

– Кого-о? – ошалело вылупилс я.

– Князь Серебряный – главный местный авторитет. Здесь родился. Здесь вырос. Здесь помер, – в телеграфном стиле сообщила моя подруга. – Вернее, не совсем помер. Его это... говорят, убили.

– Как? – резко остановился я.

– Как, не знаю, – развела руками Жанна. – Но Князь Серебряный завещал похоронить себя исключительно на этом кладбище. У него там все предки лежат.

– А это-то ты откуда узнала? – удивился я. – Он чего, ваш знакомый?

– Все гораздо проще, Федя. Мне собачники во дворе рассказали. Мы с Пирсом как раз гулять вышли, когда вся эта кавалькада на «Мерседесах» и с катафалком подъехала. Народ, естественно, сбежался смотреть. А у нас тут, как в большой деревне. Всё про всех все знают. Ну и начали друг другу рассказывать про Князя Серебряного. А мы с Пирсом просто стояли и слушали. Теперь могу биографию этого Князя писать.

– А почему он Князь Серебряный?

– Ну, Князь он, потому что прадедушка у него был из настоящего княжеского рода. Еще при царе. А Серебряный – просто за цвет волос. Они были у него совсем седые. Но главное, покойник весь наш район контролировал. Видно, считал, что это его княжество.

За разговором мы обошли дом. Роскошного катафалка фирмы «Роллс-Ройс» уже не было. Часть машин как раз отъезжала, а часть еще оставалась на месте. Вереница людей в черном медленно брела с кладбища.

– Слушай, – загорелась Жанна. – А пошли посмотрим, где Князь Серебряный похоронен.

У меня по спине пробежал холодок. Не люблю я, знаете,

эти кладбища. Даже днем. Но не мог же я признаться Жанне.

– А нас туда пустят? – только и спросил я.

– Не пустят, вернемся, – пожала плечами она. – Все равно ведь гуляем.

И она двинулась навстречу черной процессии. Впрочем, процессией это было назвать уже трудно. Люди шли, разбившись на группки, и оживленно беседовали.

– Видал? – ткнула меня пальцем в бок Жанна. – По-моему, они радуются.

– Чему тут можно радоваться? – не понимал я.

– Естественно, тому, что похоронили не их, – сказала Жанна.

Я ничего не ответил. Лишь глянул в сторону кладбища. Мне по-прежнему не хотелось туда идти. Я с надеждою покопился на Жанну. Может, ей тоже расхотелось? Как бы не так. Она бодро и целеустремленно шагала вперед, а мне вдруг стало не по себе.

– Слушай, – начал я. – А почему оркестр на его могиле российский гимн исполнял?

– Последняя воля покойного, – пояснила девочка. – Гимн и салют из пистолетов.

– А говоришь, его убили, – напомнил я.

– Ну и что? – посмотрела на меня Жанна.

– Не врубаешься? Если человека убили, когда же он мог оставить свою последнюю волю?

– Откуда я знаю, – ответила Жанна. – Может, Князь Се-

ребряный не сразу помер. Или заранее составил завещание. Работа-то у авторитетов опасная.

К металлической ограде кладбища был прикреплен проволокой фанерный щит с надписью: «Памятник архитектуры XVIII века. Охраняется государством».

– Разве кладбище может считаться памятником архитектуры? – повернулся я к Жанне.

– Не может, Федя, не может, – ответила она. – Эта надпись относится к церкви. Ее сейчас восстанавливают.

Девочка указала на возвышавшуюся за кладбищем колокольню. Ее окружали строительные леса. Мы прошли в распахнутые ворота. Территория старого кладбища густо поросла кустарником и деревьями. Листва уже пожелтела, но еще не осыпалась и, когда налетал ветерок, сухо шуршала. Кажалось, души умерших тихонько перешептываются о чем-то своем.

Я украдкой покосился на Жанну. Неужели ей нравится тут? Лицо ее не выражало ничего особенного. Пирс тоже радостно натягивал поводок и рвался вперед. Новое место прогулки ему явно пришлось по душе. Думаю, он просто не понимал, где находится.

– Слушай, а ты хоть раз сюда ходила? – поинтересовался я.

– Нет. Раньше как-то не получалось.

По ее тону я, кажется, понял, в чем дело. Ей давно хотелось пойти, но было не с кем. А одна она не отваживалась.

На мой взгляд, хуже варианта не придумаешь. До сих пор я надеялся, что мы быстренько поглядим на могилу Князя Серебряного, а потом уйдем, но теперь мне стало ясно: Жанну отсюда скоро не вытащишь. А мне почему-то тут нравилось все меньше и меньше.

Дорожки между старыми могилами с покосившимися оградами были густо усыпаны листвой. Многие памятники тоже покосились, а за иными оградами вообще не было ничего, кроме пожухших сорняков. Видно, у этих несчастных покойников не осталось в живых никого из родни. Или они умерли так давно, что потомки даже не подозревали о существовании их могил. Это настроило меня на совсем мрачный лад, и я подумал: «Вот так, живешь, живешь, а потом умрешь, и о тебе все забудут. Как будто тебя вообще никогда тут и не было».

– Ты, Федя, чего умолк? – отвлекла меня от философских раздумий Жанна. – Куда пойдем?

– Мне-то откуда знать, – откликнулся я. – Твоя идея. Я думал, тебе во дворе сказали, где могила Князя Серебряного.

– Не могила, а склеп, – уточнила Жанна.

– Тогда пошли искать склеп. Наверняка возле него кто-то остался.

– А по-моему, они уже все уехали.

– С чего ты решила? – не понял я.

– Потому что нам давно уже никто не попадался навстречу.

Я начал оглядываться. И впрямь никого. Полное впечатление, что мы тут одни.

– А ты не заметила, откуда процессия возвращалась? – спросил я.

– Кажется, вот оттуда, – махнула рукой в сторону Жанна.

Пирс, похоже, разделял мнение хозяйки, ибо немедленно потянул в сторону, куда она указывала. Может, ему было виднее, во всяком случае, несколько минут спустя мы подошли к высокому куполообразному склепу из некогда белого, но теперь пожелтевшего камня. Монументальное это сооружение увенчивал каменный крест. Вид у склепа был крайне запущенный, неухоженный. Похоже, при жизни Князь Серебряный не сильно заботился о последнем, так сказать, пристанище своих предков. А может, только недавно его обнаружил и еще не успел позаботиться.

Однако, невзирая на неприглядный вид склепа, мы мигом поняли, что пришли туда, куда надо. Ибо слева и справа от железной двери, ведущей внутрь, стояли многочисленные венки. Мы посмотрели на ленты и немедленно убедились, что Князь Серебряный был личностью масштабной. Венки от префектуры, двух известных певцов, трех крупных банков, благотворительного фонда «Раритет» и даже от одной воинской части.

Знакомство с погребальными лентами имело и некоторое познавательное значение: мы с Жанной выяснили, что Князя Серебряного на самом деле звали Ильей Сергеевичем Гол-

лановым.

– Выходит, он князь Голланов? – шепотом спросил я свою спутницу.

– Кто его знает, – пожала плечами она. – Может, и так. А может, он князь не по отцовской линии, а по материнской. Тогда у тех, кто тут, – простерла она руку к склепу, – совсем другая фамилия.

– А тут разве нигде не написано? – начал я оглядывать монументальное сооружение.

– Вроде нигде, – откликнулась Жанна. – И вообще, какая разница? Князя Серебряного-то уже нет.

– Князь, князь... Какой он князь?! – вдруг послышался у меня за спиной дребезжащий старческий голос.

Я обернулся. Откуда ни возьмись, на дорожке стояла сгорбленная старушенция вся в черном. Длинное черное пальто до пят, черный платок. Даже трость, на которую она оперлась, блестела черным лаком.

– Что вы сказали? – переспросил я.

Пирс, дотоле весело крутившийся возле наших ног, вдруг застыл в напряженной стойке.

– Никакой он не князь, – снова раздался скрипучий голос старухи.

– Откуда вы знаете? – спросила Жанна.

В ответ старуха хрипло расхохоталась. У меня от этого смеха душа ушла в пятки. Тут я заметил, что солнце, светившее с самого утра, скрылось за тучами. По кладбищу, взды-

мая опавшие листья, пронесся порыв холодного ветра. Пирс жалобно заскулил. Я поглядел на него. Он прижал уши к голове, поджал хвост и весь трясся.

Бабка тоже уставилась на Пирса и, указав на него своей лакированной черной тростью, проскрипела:

– Умный песик. Все понимает.

– Что он понимает? – задала новый вопрос Жанна.

Над нашими головами раздался оглушительный треск. Мы инстинктивно отскочили в сторону. В следующее мгновение прямо на склеп Князя Серебряного обрушилась часть большого старого дерева. Каменный крест откололся и грохнулся оземь.

Жанна вцепилась в мою руку. Оба мы, словно замороженные, смотрели на упавшее дерево. Пирс разразился истошным лаем. Наверное, именно это и привело нас в чувство. Я поглядел туда, где только что стояла старуха. Ее там не было. И вообще нигде не было, сколько я ни озирался вокруг.

– Пропала, – растерянно посмотрел я на Жанну.

– Кто? – не поняла она.

– Да бабка та, бабка с тростью.

– А-а, – протянула Жанна и тоже принялась оглядываться. – Как же она так быстро исчезла? Очень странно.

Мне тоже все это было странно. Старуха как сквозь землю провалилась. По кладбищу вновь со свистом пронесся порыв ледяного ветра.

– Пошли отсюда, – решительно потянула меня к выходу

Жанна. — Что-то мне здесь перестало нравиться.

Мне лично и не начинало. Мы бегом припустились между могил к воротам. Несколько раз мне казалось, что где-то рядом злобно хохочет старуха. Но, наверное, это просто ветер свистел в ушах.

Наконец мы очутились за территорией. Уже на подходе к нашему дому я вдруг заметил, что солнце опять сияет, а на небе ни облачка.

— Слушай, — сказала вдруг Жанна. — А ты заметил, что дерево сбило крест со склепа?

— Еще бы.

— По-моему, это что-то значит, — продолжала Жанна.

— Правильно, — я усмехнулся. — Это значит, что на склеп упало дерево.

— Может, ты и прав, — выдохнула она. — Но мне почему-то не по себе.

Мне почему-то тоже было не по себе, но я нарочито бодро ответил:

— У страха глаза велики.

— Дурак, — сказала мне Жанна. — И вообще, ты сам на кладбище был весь зеленый.

— Черт с ним, с кладбищем, — не хотелось мне продолжать эту тему. — Лучше покажи мне нашу школу.

— Ну, если тебе так хочется...

Мы вновь оказались возле нашего подъезда и прошли мимо дома дальше по улице к целому комплексу невысоких

шестиэтажных зданий. Возле центрального корпуса Жанна остановилась.

– Завтра ты, Федя, пойдешь вот сюда, – указала она на закрытую дверь. – Справа и слева раздевалки. А прямо по курсу, – перевела она взгляд на стеклянный проход, соединяющий корпуса, – здание для старшеклассников. Кстати, тебя в школу-то вообще записали?

Я покачал головой:

– Еще нет. Мы с матерью как раз завтра собирались.

– Все равно определяют к нам, – и на сей раз не испытала никаких сомнений Жанна. – Как запишетесь, дуй на первый этаж нашего корпуса. Там висит расписание. Выяснишь, какой у нас урок и в каком кабинете. Ну и, как говорится, добро пожаловать.

– О! – раздался за нашими спинами оглушительный крик. – Какая встреча! Кого мы видим! Жанна д'Арк собственной персоной!

Мы одновременно обернулись и увидели двух парней с совершенно одинаковыми идиотскими ухмылками. Жанна поморщилась и процедила сквозь зубы:

– Пошли отсюда. А то эти придурки сейчас привяжутся.

– Пусть попробуют, – сжал кулаки я.

– Слушай, Федор, не строй из себя Шварценеггера, – строго посмотрела на меня Жанна. – В лоб я, между прочим, сама могу им врезать. А тебе лучше с ними раньше времени не связываться. Еще успеешь.

Но двое придурков, похоже, решили по-своему. Стоило нам сделать шаг в сторону выхода, как они, догнав нас, преградили дорогу.

– Стоп! Стоп! Стоп! – заржал один из них. – Куда это мы спешим? А нам так хотелось познакомиться.

– Уже знакомы, – огрызнулась Жанна.

– С тобой да, – сказал второй придурок и вновь ухмыльнулся. – А вот с твоим новым другом – нет.

– А вдруг он не новый, а старый, – попробовала обогнуть их Жанна.

Но придурки вновь заступили нам дорогу.

– Для тебя, может, и старый, а для нас совсем новый. – И, сооротив рожу, он оглядел меня с головы до ног: – Пацан, ты чего, немой?

– Говорящий, – буркнул я.

– Незаметно, – покачал головой первый придурок.

– Да у него Жанна д'Арк пресс-секретарь, – захохотал второй.

Связываться мне с ними вообще-то не хотелось. Но и другого выхода не было. Я сурово проговорил:

– Еще одно слово, и пеняйте на себя.

– Ви-итек, – наигранно хнычущим голосом протянул первый придурок. – А па-ацан ха-амит.

– Не уважает, – мигом поддержал друга Витек. Затем чуть помолчал, будто задумавшись, и добавил: – Чего, Толян, будем делать-то?

Толян заметно посуровел. И, точно испытывая сожаление, вынес приговор:

– Придется воспитывать.

– А ну отстань, – вдруг резко толкнула его Жанна. – Тоже мне, воспитатель нашелся.

Толян от неожиданности качнулся, но на ногах устоял и даже схватил Жанну за руку. Я уже собирался врезать ему по роже, но меня опередил Пирс.

С жутким рыком взвившись в воздух, он вцепился в руку Толяна и повис на ней. Толян взвыл, Жанна вырвалась.

– Убери, убери его! – верещал Толян. – Иначе я за себя не отвечаю!

Мотая рукой из стороны в сторону, он пытался сбросить пса. Но храбрый Пирс вцепился в обидчика хозяйки мертвой хваткой.

– Пирсик! Пирсик, фу! – пыталась оторвать его Жанна.

Я поспешил ей на помощь, но Витек заехал мне по физиономии. Естественно, я в долгу не остался. В ответ на мой удар Витек сбил меня с ног. Я успел за него ухватиться, и мы полетели на мостовую вместе. Причем, он упал на асфальт, а я упал на него. Это была большая удача. Я от падения особых неудобств не почувствовал, а Витек – наоборот. Я, естественно, своего шанса упускать не собирался, и Витек у меня заорал еще громче укушенного Толяна.

Впрочем, триумф мой был недолгим. Этот гад оказался очень выносливым, и вскоре уже орал я, а он выламывал мне

правую руку. Все-таки я решил не сдаваться до последнего. Тем более что рядом слышались истошные крики Жанны и визг Пирса.

Это прибавило мне сил, и я въехал собственной головой Витьку в подбородок. Удар получился классный. У меня даже искры из глаз посыпались. Зато руку мне больше никто не выламывал. А Витек, скуля и держась за подбородок, катался по асфальту. Наверное, мне следовало испытать угрызения совести, но у меня их не было. В конце концов, Витек сам наварлся.

Я поспешил к Жанне. Пирс уже сидел у нее на руках. А Толян, закатав рукав рубашки, целиком и полностью сосредоточился на прокушенной руке. Я мигом смекнул, что ждать, пока он придет в себя, нам не надо. Схватив Жанну за руку, я потащил ее вместе с Пирсом в сторону нашего дома. На полпути до нас долетел окрик Витька:

– Ничего. Мы еще встретимся!

Мы с Жанной на всякий случай прибавили темп и вскоре укрылись в собственном подъезде.

– Федор, позволь мне тебя поздравить, – сказала она. – Ты еще не проучился у нас ни одного дня, но уже обзавелся врагами.

– А что это вообще за типы? – решил выяснить я.

– Ах, да. Я же вас не представила, – ухмыльнулась Жанна. – Это, Федя, твои будущие одноклассники.

– У вас в классе все такие?

– Тебе ведь уже говорили: разные. Есть нормальные, а есть придурки. Эти два, как ты сейчас мог убедиться, относятся к разряду средних придурков.

– Неужели есть еще хуже? – спросил я.

– Есть, – кивнула Жанна. – Придешь – сам увидишь.

Мне вновь стало жаль своей прежней школы и своего дружного класса. Конечно, ребята там тоже были разные, но таких экземпляров, как Толян с Витьком, не наблюдалось.

От невеселых мыслей меня отвлек Пирс. Подпрыгнув, он лизнул меня в щеку. Я взял его на руки.

– Молодец, песик. Ты, оказывается, не только прыгун, но и защитник.

Почувствовав, что его хвалят, Пирс гордо задрал вверх бородатую морду. Жанна засмеялась:

– Ну, вылитый Наполеон!

Мы подошли к дверям лифта.

– Может, рискнем? – предложил я.

– Давай, – наверное, Жанна устала, и ей тоже не особенно улыбалось пилить пехом на наш этаж.

Я надавил на «вызов». Двери услужливо раздвинулись. Мы вошли в кабину. Жанна нажала на кнопку с цифрой «десять». Я приготовился к самому худшему, но мы благополучно доехали до своего этажа.

– До завтра, – стала открывать ключом дверь Жанна.

У меня ключей еще не было. На мой звонок отворил отец. Даже не поглядев на меня, он с каким-то отрешенным видом

произнес: «А-а, это ты. Входи», – и скрылся в большой комнате.

Взгляд мой упал на большие часы в передней. Я охнул: «Ну, ни фиги себе!» Мне-то казалось, мы с Жанной гуляем от силы часа полтора. А на деле выходит, что не меньше четырех. Значит, время обеда давно прошло. Сейчас родители мне зададут. Они ведь просили не опаздывать. Может, правда, отец часы вчера повесил, а завести забыл?

Я сверился с часами у себя на руке. Все правильно. Часы в коридоре не вращались. С большой опаской я заглянул в гостиную и к немалому изумлению обнаружил обоих предков перед телевизором. Разборку вещей они явно не закончили. Это было совершенно не похоже на мою мать. Усестесь перед телевизором, когда столько дел!

– Чего случилось? – спросил я у предков.

– Тише, – шикнул на меня отец. – Очень интересная передача.

– Там для тебя на плите все оставлено, – добавила мать. – Наверное, еще теплое. Иди и поешь.

Я тоже уставился на экран телевизора. С моей точки зрения, там ровно ничего интересного не происходило. Вокруг стола сидело несколько средних лет дядек, которые по очереди что-то вяло вещали об экологии города. Вот уж никогда раньше не замечал, чтобы мои предки так интересовались экологией. А уж чтобы мать не проследила, как и что я съем? Нет, я положительно не узнавал ее. Может, родители

меня воспитывают? Я не вернулся к обеду, а они мне устроили что-то вроде бойкота?

Я побрел мыть руки. В ванной меня ждало неприятное открытие. Левый глаз заплыл. «Завтра будет хороший фингал», – не сомневался я. Бодрости это мне не прибавило. Если предки и без того объявили мне бойкот, то что же будет, когда они обнаружат следы моего знакомства с Витьком! Тем более матери завтра вести меня записывать в школу. Воображаю, как она будет счастлива.

Я вспомнил, что есть хороший способ борьбы с фингалами. Надо приложить к больному месту лед. Я пошел на кухню и открыл холодильник. Однако льда в морозильной камере не оказалось. Зато в нижнем отсеке нашлась отцовская банка с пивом. Вполне холодная.

Я приложил ее и, придерживая одной рукой, другой стал обедать. Предки на кухне так и не появились. Зато банка с пивом вскоре нагрелась. Тогда я поменял ее на банку с майонезом и стал есть консервированный компот. Когда я уже почти с ним справился, в кухне возник отец.

– Ты чего это? – взглянул он на банку, которую я по-прежнему прижимал к глазу.

«Ну вот. Началось», – пронеслось у меня в голове. А вслух я сказал:

– Да так. Упал неудачно.

Отодвинув от моего глаза банку, отец мельком глянул на плоды деятельности Витька, равнодушно произнес: «Завтра

у тебя точно синяк будет», — и полез в холодильник за пивом.

У меня просто челюсть отвисла. Теперь я почти не сомневался: это новый метод воспитания. Раньше отец непременно позвал бы мать, и они, наперебой охая и ахая, принялись бы выговаривать мне, что так нельзя... Словом, каждый из вас наверняка сам знает, что в таких случаях говорят предки. А тут — никакой реакции.

Подкравшись на цыпочках к двери гостиной, я решил подслушать, что они скажут друг другу наедине по поводу моего синяка. Но предки вообще ничего не говорили. Я заглянул в комнату. Родители с прежним интересом смотрели бесконечную дискуссию по поводу экологии. Я даже обозлился. Подумаешь, опоздал к обеду. Тоже мне, преступление. Разве можно из-за подобных пустяков так обращаться с человеком. А если у меня и впрямь что-то с глазом серьезное?

Не успел я об этом подумать, как припухшее место сильно заныло. Мне стало еще обиднее. Можно сказать, человека побили, а они в свою экологию вперились и на меня ноль внимания. Какая подлость! Ну, и пожалуйста, как вы со мной, так и я.

Войдя к себе в комнату и затворив дверь, я плюхнулся на диван, взял пульт и начал переключать телевизор с программы на программу. Количество каналов меня обрадовало. На нашем старом доме стояла какая-то допотопная антенна, едва ловившая шесть основных каналов. А здесь ловились и дециметровые, и кабельные... Класс! Особенно учитывая, что

теперь у меня свой личный телек.

Кстати, я мигом выяснил, что идиотская передача, которую с таким упоением смотрели родители, шла по какому-то местному кабельному каналу. Какая скучища. Я быстро переключился на НТВ, где показывали крутой боевик. Это вам не экология. Во всяком случае, мне понравилось. Всего за каких-нибудь пять минут герой расколошматил десять хороших машин, взорвал одно большое здание и уколошил кучу плохого народа. А под конец судьба, видимо, в награду за усердие послала ему чемодан с пачками долларов. На этом боевик, конечно же, кончился. Хотя мне лично очень интересно было бы посмотреть, что он сделает со всеми этими баксами.

Я еще немного попрыгал по каналам и по ходу дела заметил, что мужики-экологи все еще нудно треплются. Я встревожился: «Может, в нашем районе произошла какая-нибудь катастрофа? Или, к примеру, выяснилось, что наш дом построен на свалке радиоактивных отходов? Тогда понятно, почему предки так плотно въехали в передачу».

Однако мужики говорили совсем не о катастрофе и не о нашем доме. Их интересовала проблема очистки Яузы. Верней, проблема неочистки. Потому что все они по очереди убедительно доказывали: еще немного – и очистить ее уже никто не сможет. Это, конечно, впечатляло, но не настолько, чтобы забыть о собственном сыне. Тем более Яуза течет совсем на другом конце города.

Я пустился в новое путешествие по каналам и через некоторое время, к полной для себя неожиданности, заснул. Проснулся я от того, что меня тряс за плечо отец.

– Ты ужинать будешь?

Но я никак не мог проснуться. Да и отец не особенно настаивал на ужине. Он сказал:

– Тогда разденься, разбери постель и ложись как следует. А то завтра рано вставать.

Я с удовольствием последовал его совету и немедленно провалился в глубокий сон.

Второй раз я проснулся глубокой ночью. За окном слышался вой. Сон мигом слетел с меня. Вой не стихал. Это на кладбище, сообразил я. Ну, естественно. Там ведь новый покойник. Князь Серебряный. А собаки часто на свежих могилах воют.

Не успел я об этом подумать, как к воющей собаке присоединилась вторая, потом еще одна и еще. И вот уже всю округу оглашал кошмарный леденящий душу хор.

Глава III

СОТРЯСЕНИЕ МОЗГА?

Старуха в черном испепеляла меня пронзительным взглядом. Рука ее с черной клюкой пробиралась все дальше и дальше. Еще чуть-чуть, и она зацепит меня рукоятью. Надо было бежать, но я не мог двинуться с места. Меня будто парализовало, и я лишь в отчаянии разевал рот, однако крика не получалось.

Рукоять клюки уже коснулась моей рубашки. Старуха по-волчьи взвыла. Вот оно, значит, что – пронеслось у меня в голове. Выходит, это совсем не собаки, а она.

Вой нарастал. Старуха потянула клюку на себя. Я вдруг сообразил, что ей надо. Она затаскивала меня в склеп Князя Серебряного. Я вновь попытался крикнуть, но старая ведьма, резким движением затянув меня в склеп, сомкнула костлявые пальцы на моем горле.

Отчаянье придало мне сил, я оттолкнул ее в сторону, и у меня вдруг прорезался голос.

– А-а! – заорал я и проснулся.

В комнате было светло. Рядом с кроватью валялась подушка. Она-то меня и душила. Я накрыл ею голову, чтобы не слышать хорового собачьего воя на кладбище. Сердце бешено колотилось, надо же такому присниться! А с другой сто-

роны, хорошо, что не наяву.

Глубоко вдохнув и выдохнув, я начал нашаривать тапочки. В это время оглушительно зазвонил будильник. Я от неожиданности взвился на постели. Все-таки после просмотра ночных кошмаров становишься очень нервным.

– Федя, подъем! – окончательно привел меня в чувство голос матери. – Отец уже умылся. Теперь твоя очередь.

Я пошлепал в ванную комнату. Из кухни тянуло запахом кофе. Заперевшись в ванной, я первым делом принялся изучать фингал. Единственное утешение, что могло быть и хуже.

Умывшись, я прокрался на цыпочках в спальню родителей и отыскал на туалетном столике матери тональный крем. Это было именно то, что требовалось. Сейчас слегка подгримируемся, и порядок, подумал я.

Сказано – сделано. Мне показалось, что лицо стало выглядеть гораздо лучше. Если особенно не присматриваться, то и не заметишь.

– Федор! – окликнули меня из кухни. – Чего копаешься?

Я пошел завтракать, но едва занялся булочкой, как мать уставилась на меня и тоном, не предвещающим ничего хорошего, спросила:

– Что это у тебя под глазом?

– Да так, ничего.

– Ничего? – переспросила мать.

Развернув мою физиономию к себе, она поспешила палец

и принялась тереть фингал.

– Больно, – попытался вырваться я.

– А говоришь, ничего, – сурово глядела мне прямо в глаза мать. – Игорь, – повернулась она к отцу, – у Феди фингал.

– Бывает, – спокойно отреагировал предок.

– Как ты можешь так говорить! – заверещала мать. – Мне ведь его сегодня идти записывать в школу! С таким украшением!

Отец перегнулся через стол и внимательно оглядел мой глаз.

– Да это, можно сказать, даже и не фингал, – вынес вердикт он.

– Как не фингал? – возмутилась мать.

– Ну, почти не фингал, – смягчил формулировку предок. – Я думал, хуже будет. А это можно замазать.

– Ах, значит, тебе было известно про его фингал, и ты молчал? – напустилась на него мать. – Вместе, значит, от меня все скрываете! А я еще думала, чего ты, Федор, так вчера рано улегся спать.

Теперь настала очередь возмутиться мне:

– Я ни от кого ничего не скрывал. Просто пришел домой, а вы уткнулись в свою экологическую передачу. Если она вам была дороже собственного сына, никто не виноват.

Предки переглянулись.

– Федор, что ты несешь? – осведомилась мать. – Какая экологическая передача?

– Длинная и нудная, – ответил я. – Я специально чуть-чуть посмотрел. Несколько дядек спорили о загрязнении Яузы.

Родители снова переглянулись. Затем мать перевела взгляд на меня и вкрадчивым голосом поинтересовалась:

– Федор, расскажи нам с отцом, как ты заработал этот синяк? Только честно. В любом случае мы тебя не будем ругать.

– Точно не будем, – подтвердил предок.

Несмотря на столь бурные заверения, я откровенничать не торопился. Богатый опыт подсказывал, что сперва нужно крепко подумать. Воистину, семь раз отмерь, один раз отрежь. Ведь если предкам мое чистосердечное признание не понравится, они все равно устроят скандал. С другой стороны, просто отмалчиваться – тоже не выход. Родители, чего доброго, навоображают себе всяких ужасов. Поэтому я предпочел сказать правду:

– Понимаете, мы с Жанной гуляли, а к нам привязались два придурка. Ну и пришлось их немного...

Не договорив, я потряс в воздухе кулаком.

– Ну ясно, – многозначительно изрекла мать. – Опять эта Жанна.

– Она ни при чем! – крикнул я и почувствовал, что почему-то краснею.

– Впрочем, неважно, – отмахнулась мать. – Меня куда больше интересует другое. Ты, Федя, случайно головой сильно не ударялся?

– Глупый вопрос, – пожал плечами я.

– Отвечай, когда мать тебя спрашивает! – повысил голос отец.

– Не ударялся! Не ударялся! – хотелось скорей отделаться мне.

Мать помолчала. Затем, словно смущаясь, выдавила из себя:

– Федя, а тебя эта Жанна ничем не угощала?

– Во-первых, она не «эта Жанна», а просто Жанна! – обозлился я. – А во-вторых, ничем. И вообще, какая разница?

Мама замаялась и снова поглядела на отца. Когда она начала говорить, голос у нее стал еще неестественнее, чем прежде:

– Ты понимаешь, сынок, в некоторых школах среди подростков бывает... Угощают чем-то с виду совсем обычным, а там на самом деле наркотики. Ты ведь эту Жанну совсем не знаешь.

– Ма! – завопил на всю кухню я. – Как ты можешь! Какие наркотики! Жанна – нормальная девчонка. И вообще, с чего вам такое взбрело?

– С чего? – очень внимательно посмотрели на меня оба родителя. – Да с того самого, что мы вчера никакой экологической передачи не смотрели. Сперва мы смотрели фильм...

– По этой же программе? – чувствуя, что схожу с ума, перебил я.

– Именно, – подтвердил отец. – По местному кабельному

каналу.

– Ой! – посмотрела на часы мать. – Федя! Скорей одевайся! А то опоздаем!

Мы кинулись в переднюю. Все, включая отца. Ему нужно было ехать на работу. Одевался я как в тумане. Наверное, я тоже мог бы поинтересоваться у предков, не подсыпал ли им кто-нибудь вчера какую-нибудь дурь? Но даже если и допустить подобное, вряд ли у них возникли бы одинаковые глюки. В таком случае, получается, глючил я? Но я ведь точно не глючил. Я вообще с завтрака до обеда вчера ничего не ел и не пил. Тем более не нюхал. Разве что свежий воздух на кладбище. Стоп! Меня вдруг осенило: старуха! Ну, конечно же! И исчезла она как-то странно. Будто растаяла, надо будет Жанну спросить.

– Федор! Долго ты еще будешь копать? – вывела меня из задумчивости мать. – Пошевеливайся. Отец до школы нас на машине подбросит.

– На фига? – удивился я. – Тут пешком напрямую, а на машине объезжать надо.

– Не спорь, – нахмурилась мать.

Я понял: ей зачем-то хочется подъехать к моей школе на машине. Спорить было бесполезно. Мы спустились на маленьком лифте. Его уже тоже успели наладить. Во всяком случае, он не застрял.

Мы сели в машину. Папа подвез нас к самому школьному зданию. Мы с матерью зашли внутрь. Занятия уже начались.

Так что ребят в вестибюле не было. Один лишь охранник в камуфляже сонно переминался у входа. Завидев нас, он резко воспрял духом и решительно преградил нам дорогу.

– Куда? С какой целью? В какой кабинет? – осведомился он таким тоном, будто мы направлялись по меньшей мере на прием к российскому президенту или Патриарху Всея Руси.

– В эту школу. К директору. Оформляться, – несколько стушевалась обычно совсем не робкая мать.

– На прием записывались? – рявкнул охранник.

– Я звонила, – растерянно пролепетала мать. – Мне сказали, что можно просто прийти.

– Это у нас и называется «назначено», – снисходительно пояснил охранник. – Пройдите. Прямо по коридору, потом направо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.